

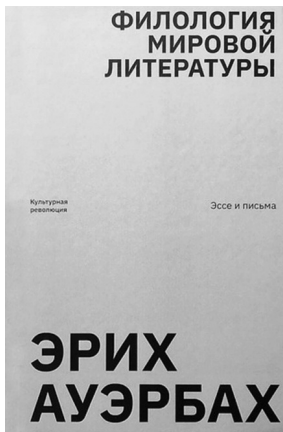
Дмитрий Колчигин

Эрих Ауэрбах в лабиринтах изображенной действительности

Ауэрбах Э. Филология мировой литературы.
Эссе и письма / Сост. М. Бормут; пер. с нем.

М.: Культурная революция, 2021. — 224 с. — 700 экз. — (Культурная революция).

Наследие Эриха Ауэрбаха на русском языке представлено фрагментарно. Есть, конечно, «Мимесис», блистательно переведенный еще в 1976 г. и с тех пор несколько раз переизданный¹, а также ранняя книга-диссертация «Данте как поэт земного мира» и считаное количество малых сочинений. Все остальное дожидается своего часа. Новый сборник этой лакуны не восполняет, но заслуживает пристального внимания.

На Западе об Эрихе Ауэрбахе пишут так часто и так много, что из автора он стремительно превращается в персонаж, в филологическую конструкцию. Корпус ауэрбаховских сочинений постепенно отходит на второй план, теряет самоценность и в значительной степени становится поводом для разного рода культурологических высказываний. Так, на рубеже 1970—1980-х гг. Эдвард Саид сделал Ауэрбаха иллюстрацией для своего учения о «светской критике» и ориенталистском изгнанничестве, а в XXI в. такие авторы, как Джеймс Портер и Авигу Закай, вписали Ауэрбаха в имидже сотворенную картину «филологической иудаизации»². Суть первого подхода в следующем: XX в. породил особую культуру «изгнанников» — западных интеллектуалов, ставших вынужденными мигрантами.

Они взглянули на собственную традицию со стороны и сумели — в отчуждении — переосмыслить западноевропейский культурно-исторический опыт; Турция, по Саиду, являет собой некий архетипический «антизапад»³, и потому Ауэрбах в стамбульский период его жизни оказался в изгнании «особенно глубоком», что и сделало его характеристическим образцом, «нулевым пациентом» нового дискурса об исполнительской силе культурного дистанцирования.

- 1 Особо следует отметить издание 2017 г. с обширным и очень ценным послесловием В.Л. Махлина: *Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 451—471. См. также: *Махлин В.Л.* Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. М.: Знак, 2009. С. 341—396.
- 2 См.: *Porter J.I.* Erich Auerbach and the Judaizing of Philology // *Critical Inquiry*. 2008. Vol. 35. № 1. P. 115—147; *Zakai A.* Erich Auerbach and the Crisis of German Philology: The Humanist Tradition in Peril. N.Y.: Springer, 2017. Это второе направление в ауэрбаховедении (на сегодняшний день весьма влиятельное) в данном случае, при рассмотрении конкретного сборника, нас не интересует.
- 3 *Said E.* The World, the Text, and the Critic. Cambridge: Harvard University Press, 1983. P. 6.

Книга Саида «Ориентализм», в которой Ауэрбах тоже вписан в нужный контекст⁴, переведена на русский, но в остальном эта филологическая традиция нам все еще не слишком близка. Ни одного исследования, специально посвященного Ауэрбаху и написанного с этих позиций, на русском нет. Точнее, не было. Сейчас магистральный для западной филологии подход нам представлен, по сути, впервые: Матиас Бормут, редактор-составитель сборника «Филология мировой литературы» (к этому названию мы еще вернемся), — последовательный сторонник теории изгнанничества; свою линию он системно проводит во всех своих ауэрбаховедческих работах. В 2020 г., например, появилась книга Бормута «Erich Auerbach: Kulturphilosoph im Exil», само название которой можно рассматривать как манифест современного «саидизма»: европейский философ культуры, оказавшийся в восточном изгнании, — это иконическая, культовая, образцовая фигура, сотворенная внутри названной школы.

Итак, в 2017 г. Бормут по тем материалам, с которыми ему уже приходилось работать⁵, выпускает своеобразную мини-антологию работ Ауэрбаха под названием «Рубец Одиссея: горизонты мировой литературы»⁶. Поскольку все они были немецкому читателю известны (см., правда, ниже о статье «Джамбаттиста Вико»), смысл новой подборки следует искать в ее компилятивном «узоре»: Бормут представил (на свой выбор) нужные работы в нужном порядке. Нужном — для чего? Сам составитель в своем программном Предисловии на этот вопрос не отвечает, но предположить не сложно: книга составлена как адаптированный путеводитель, своего рода «букварь», хорошо подходящий для первого знакомства с литературоведческим наследием Ауэрбаха. Попутно нового читателя вводят в поле «изгнаннических» идей. Именно этим, как представляется, можно объяснить и несоблюдение хронологии, и сам подбор материала (исключены все системно-обобщающие статьи Ауэрбаха вроде «Фигуры» или «La cour et la ville»; их значение, конечно, несоизмеримо выше ранних работ типа «Романа о потерянном времени», однако они сложны для понимания и требуют специальных познаний). Тогда же, в 2017 г., Бормут выступал в России с лекциями о социологии Макса Вебера, а в 2020-м составленная им антология Ауэрбаха вышла на русском, но с двумя изменениями. Во-первых, сборник сменил название, а во-вторых, был дополнен еще одним разделом из «Мимесиса»: если в немецком варианте книги Бормут помещает только первую главу, то в русском — еще и последнюю («Коричневый чулок»).

С чем связано изменение заголовка? Возможно, это как-то связано с вариациями «рубца» (как у Ауэрбаха) и «рубца на ноге» (как в переводе Михайлова). Не исключено и то, что редакторы русского перевода сознательно отодвинули «антигомеровскую» повестку и придали книге вид более сглаженный и обобщенный. Смысловым средоточием немецкого сборника, если судить по названию, была начальная глава «Мимесиса», в то время как в русском варианте ядро книги — в последней статье.

Новое заглавие создает некоторую путаницу. В 1992 г. (к столетию смерти Ауэрбаха) выходил другой сборник, также носящий название «Philologie der Weltliteratur», частично совпадающий с нашим по содержанию и к тому же переизданный

4 Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мирь, 2006. С. 398, 399.

5 Ранее он подготовил к изданию небольшое собрание писем Ауэрбаха с обширным Введением (Wahrhafte Wirklichkeit. Erich Auerbach in einer Folge von Briefen / Hrsg. von M. Bormuth. Warmbronn: Ulrich Keicher, 2016), а также участвовал в подготовке второго издания «Собрания статей по романской филологии».

6 Auerbach E. Die Narbe des Odysseus. Horizonte der Weltliteratur / Hrsg. von M. Bormuth. Berlin: Berenberg, 2017.

в 2015 г. Бормут, кстати, тоже упоминает об этой книжке, причем в тоне пренебрежительном («тоненькая, некомментированная подборка текстов» (с. 6)); соответственно, русский сборник «Филология мировой литературы» важно не перепутать с одноименным немецким.

Нельзя не сказать и о составе сборника. Открывает его большое предисловие Бормута, озаглавленное, разумеется, «Эрих Ауэрбах — филолог в изгнании» и не без остроумия структурированное. Особенность книги в том, что без этого предисловия она, по сути, перестает существовать — превращается в череду ничем не объединенных работ. Бормут же последовательно впрягает каждый раздел в собственное повествование и, таким образом, задает книге костяк и структуру: «Писатель Монтень» стоит первым, так как, по Бормуту, в этой статье Ауэрбах сформулировал собственное отношение к власти и политике, что и определит его зрелый жизненный путь; «Джамбаттиста Вико» — такое же определение собственных взглядов на ход истории; в «Данте и Вергилии» Бормут видит размышления об образе вождя; «Рубец на ноге Одиссея» — не столько об изображении действительности, сколько о ее восприятии лично Ауэрбахом; в статье «Марсель Пруст и роман об утраченном времени» составитель усматривает критику литературы модерна (такие авторы, как Вулф, Джойс и Пруст, якобы «закрыты к требованиям времени»); в этом свете, наконец, предстает и статья «Филология мировой литературы» — с обязательным акцентом на ее последнем фрагменте⁷ — реакция Ауэрбаха на упадок гуманитарной науки (а по Бормуту — и собственно литературы).

В структуре сборника проявляется уже привычная, но несколько навязчивая манера толковать каждый фрагмент ауэрбаховских текстов (каждый удобный фрагмент, если говорить точнее) в биографическом смысле. В статье о Монтене внимание читателя должно быть максимально отведено от Монтеня, чтобы не упустить намеков на события из (будущей!) жизни самого Ауэрбаха; интересно, что в Предисловии Бормут датирует это эссе 1930 г. (с. 10)⁸ — для того, возможно, чтобы убедительнее представить текст как ауэрбаховскую программу действий на будущие несколько лет. Впрочем, это может быть и случайной ошибкой: вспомним, что некоторые рецензии Ауэрбаха, если верить датировке Бормута в «Собрания статей по романской филологии», выходили многими годами раньше самих рецензируемых книг⁹.

Вторая статья — «Джамбаттиста Вико» (1922) — исключительно интересный артефакт, который вполне уместно было бы рассмотреть как раз биографически: это одна из первых (а конкретно — вторая) работа Ауэрбаха о Вико, написанная по итогам семинаров Эрнста Трёлча, который и познакомил Ауэрбаха с викианством. В ней явно прослеживается трёлчианский подход с критикой эстетики Бенедетто Кроче (Ауэрбах даже пишет о «грубых ошибках», допущенных Кроче в его книге о Вико 1911 г.). И это примечательно, ведь позднее, во время работы над переводом «Новой науки», Ауэрбах значительно приблизился к идеям Кроче (чему, конечно, поспособствовало и эпистолярное общение с ним) и отделился от Трёлча. Небезынтересна и судьба статьи «Джамбаттиста Вико». Судя по всему, она писалась как начало будущей диссертации (об этом Трёлч упоминает в своем «Историзме»), но в итоге габилитационную работу Ауэрбах написал о Данте, а на

7 Фрагмент этот, с цитатой из Гуго Сен-Викторского, есть краеугольный камень, на котором Саид поначалу целиком выстраивал свой подход к Ауэрбаху.

8 В библиографическом разделе дано правильно: 1932 (с. 220).

9 Так, книга Э.Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» появилась в 1948 г., а отзыв Ауэрбаха на нее, чудесным образом, в 1933-м. См.: *Auerbach E. Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie* / Hrsg. von M. Bormuth und M. Vialon. Bern: A. Francke Verlag, 2018. S. 324.

основе той статьи составил крупное предисловие к своему немецкому переводу «Новой науки». Корпус викианских работ Ауэрбаха достаточно велик, и ранняя «Джамбаттиста Вико» в нем на долгие годы затерялась. Рене Веллек в 1978 г. счел эту статью безвозвратно утерянной: она была «погребена в журнале “Der neue Merkur”» и недоступна исследователям. Тем не менее в новом издании «Собрания статей...» было опубликовано несколько вновь найденных работ Ауэрбаха, и среди них — «Джамбаттиста Вико» 1922 г. Соответственно, новая жизнь этой статьи тесно связана с именем Бормута, ведь именно он, совместно с М. Виалоном, нашел ее и впервые с 1922 года опубликовал. Ни о чем из этого Бормут не рассказывает, хотя рассматриваемый сборник вышел за год до «Собрания статей...» и появление в нем этой забытой статьи можно было праздновать как целое событие.

«Данте и Вергилий» (1931) — тоже текст специфический¹⁰. Бормут насилу разыскивает в нем рассуждения о вождизме и о протохристианской роли Вергилия, однако, как представляется, историческое значение этой работы совсем в другом. В ней Ауэрбах вводит понятие о «вульгарно-античном» начале как культурной первооснове средневековой стилистики; этот термин и эту концепцию одобрили многие ученые того времени: например, «Данте и Вергилия» восторженно принял Этьен Жильсон. В дальнейшем, кстати, оборотом «вульгарно-античный» Ауэрбах уже не пользовался, так что названная статья стоит особняком и занимает особое место. От Бормута, впрочем, мы этого не узнаем. Его больше интересует образ Катона у Данте и Вергилия¹¹, при том что о Катоне в статье — ни слова, а чтобы понять, о чем идет речь, обращаться нужно к ауэрбаховской «Фигуре», которой в сборнике нет¹².

Далее следует «Рубец на ноге Одиссея» (ок. 1942), рассмотренный в Предисловии хоть и кратко, но вполне удовлетворительно, без явных перекосов. Вопрос, однако, в том, стоит ли отрывать этот текст от «тела» всего «Мимесиса», делать полемическое вступление к одной книге центральным элементом другой? Сегодня, когда любой раздел из эпохальной работы Ауэрбаха воспринимается как своего рода памятник, это уже не кажется чем-то удивительным. Но нужно помнить, что сам Ауэрбах смотрел на эту главу иначе и в поздние годы воспринимал ее исключительно как вводную часть перед основными рассуждениями о «серьезном реализме». В «Эпилогеменах к “Мимесису”»¹³ — более поздней статье с ответами на накопившуюся критику — он пишет об этом так:

-
- 10 Ее русский перевод был недавно опубликован в журнале «Prosōdia» (2020. № 12), что почему-то не отмечено в книге.
 - 11 В связи с Катоном (и не только) Бормут многократно обращается к теме суицида и зачем-то перечисляет всех самоубийц среди тех, кого Ауэрбах знал или хотя бы теоретически мог знать (с. 17, 181, 201). Может сложиться впечатление, что эта тема каким-то образом важна для Ауэрбаха и его научной деятельности. Дело, однако же, в том, что по основному образованию Бормут — психиатр, и диссертация его была посвящена «суицидальному мышлению в XX в.» — вот откуда настойчивый интерес к этой теме. Снова биографические мотивы, но теперь уже с другой стороны.
 - 12 Кстати, эпиграф к предисловию и регулярное обращение к теме Страстей Христовых тоже, как кажется, будут не вполне понятны читателю «Филологии мировой литературы»: эту тему в собственном смысле Ауэрбах разрабатывал в других своих работах (см., например, «Passio как страсть»). Эпиграф из З. Херберта («Понятие Бога для меня неясно, но Христос и его Страсти для меня суть конкретные, захватывающие, глубоко волнующие вещи, вызывающие гнев и любовь») и последнее письмо (отказ Ауэрбаха писать предисловие для ивритского «Мимесиса») тоже, скорее всего, следует рассматривать в контексте заочной полемики Бормута с «иудаизаторами».
 - 13 Ср. также со словами из письма М. Буберу, приведенного в «Филологии мировой литературы» последним (с. 211).

...Я прежде всего должен признать, что в первой главе слишком большое внимание уделяется теме Гомера (недостаточному напряжению и «поверхности» в его поэмах) и что я в целом не слишком доволен первой главой... В какой-то момент я даже думал вообще убрать главу о Гомере, ведь для моих целей начать можно было и с эпохи вокруг Рождества Христова. Но подобрать другое программное введение, сопоставимое с главой о Гомере по четкости и плодотворности, мне не удалось; поэтому я и оставил эту главу, лишь немного смягчив ее по сравнению с первым наброском; мне казалось, что это оправданно — подчеркнуть те мотивы, которые имеют значение в контексте всей книги, при этом взглянув на них с правильной стороны (пусть даже и несколько однобоко). Здесь я специально подчеркиваю эту однобокость в изложении: все время встречаются и такие читатели, которые особенно хвалят именно первую главу¹⁴.

Здесь мы подступаем к следующему разделу — «Коричневому чулку» (ок. 1945), добавленному в русском издании сборника. Эту главу Ауэрбах, по свидетельству его сына Клеменса, писал уже после окончания войны и добавил к «Мимесису» в последний момент; по авторскому подходу и самой атмосфере эта глава, как и «Рубец Одиссея», отличается от остальной книги: она захватывает целое направление в прозе между мировыми войнами и наполнена методическими отступлениями, что для «Мимесиса» в целом нехарактерно. Ауэрбах впервые обосновывает свой метод «отправных точек», — таким образом, эта глава становится центральным звеном в той цепи, что ведет к «Филологии мировой литературы», — связывает его с «расслоением действительности» в модернистских романах и даже предупреждает о грядущем эпохальном «упрощении». Добавить «Коричневый чулок» в русское издание было хорошей идеей: последняя глава «Мимесиса» уравнивает первую, подводит материально-текстовую базу под «Филологию мировой литературы» и в целом придает сборнику ощущение цельности. Новый раздел, пусть это и не новая публикация, украшает сборник и позволяет несколько отступить от тех рамок, которые задал Бормут в оригинальном издании. Характерно, кстати, что немецкий составитель не захотел добавлять «Коричневый чулок» в свое издание, ведь в этом тексте есть мысли, довольно опасные для «неосаидизма». Выводы Ауэрбаха несложно экстраполировать на современную «историю идей», и тогда оказывается, например, что вся теория изгнанничества — это, по сути, шаг в прошлое, нечто очень близкое к романтической концепции «ударов судьбы», определяющих живое существование.

Как бы то ни было, раздел о литературе XX в. сборнику был необходим — на это указывает вся структура книги. Бормут в этих целях использует специфическую эрзац-главу — статью о Прусте (1927). Это своего рода статья-прозрение, в которой Ауэрбах (за несколько лет до Бенямина) вводит в теорию и социологию литературы руководящий принцип «памяти»¹⁵; намеченные в ней выводы полноценно разработаны в «Мимесисе», и поэтому, наряду с добавлением «Коричневого чулка», напрашивается еще одно изменение структуры сборника: «Роман о потерянном времени» следовало, пожалуй, поместить среди ранних статей, перед новым разделом о модернизме. Логика изложения предполагает, чтобы читатель сначала ознакомился с озарением, а уже затем — с систематической разработкой темы¹⁶.

14 Auerbach E. Epilegomena zu Mimesis // Romanische Forschungen. 1953. 65.Bd. 1./2. H. S. 2.

15 Göbenli M. Darstellung der Wirklichkeit: Erich Auerbachs Konzept von Erinnerung // Littera. 2018. № 28 (2). S. 151–161.

16 См.: Penmanech F. Le Proust d'Auerbach // Erich Auerbach: La littérature en perspective / Textes réunis par P. Tortonese. P.: Presses de la Sorbonne nouvelle, 2009.

Если читать в обратном порядке, то озарение в значительной степени девальвируется. Впрочем, такие перестановки заставили бы вносить изменения в структуру бормутовского предисловия, а это уже, наверное, было бы вольностью.

Вообще, создается впечатление, что предисловие Бормута первично, а появление сборника вторично: только оттого эти статьи оказались вместе и в таком порядке, что таков оказался ход мысли, ассоциативный ряд у автора вводной части. Кстати, задачи своего вступительного очерка Бормут опять же прямо связывает с рассмотрением «опыта эмиграции»: как книга нанизана на предисловие, так и само предисловие — на теорию изгнанничества.

В первых же строках «Филолога в изгнании»¹⁷ Бормут, ни слова еще не сказав об основной деятельности своего автора, навешивает на Ауэрбаха опознавательный знак «великого эмигранта»: стоит полагать, что в этом и есть главная, определяющая характеристика его жизни и творчества. Группировка по формальным признакам, — как, кстати, в собственных стилистических исследованиях показывает сам Ауэрбах, — чаще всего ведет к заблуждениям, и Бормут немедленно в такое заблуждение впадает: в истории XX столетия Ауэрбах встает у него в один ряд с Ханной Арендт и Вальтером Беньямином. По-настоящему общее у них только одно — обо всех в разное время писал Бормут, остальные же связи между Беньямином и Ауэрбахом представляются интересными, но не слишком существенными, в то время как Арендт вообще стоит отдельно. В последнем своем сочинении¹⁸ Ауэрбах сам рассказывает о своих интеллектуальных взаимосвязях с современниками и называет нескольких ученых, знакомство с которыми повлияло на него и обогатило его труды. Вот этот ряд: Б. Кроче, К. Фосслер, Л. Шпитцер, Э. Р. Курциус, Р. Менендес Пидаль, А. Скьяффины и Р. Беццола¹⁹. Из эмигрантов здесь один только Шпитцер, да и того, кстати, последователи Саида обходят стороной: фигура слишком самобытная. Ни в какие упрощенные схемы Шпитцер не вписывается, а все остальные персоналии, важные для Ауэрбаха, к «изгнанническим» построениям даже не приближаются²⁰. Поэтому Бормут дает Ауэрбаху в сотоварищи людей из семантически иного круга. Зато — что важнее! — эмигрантов.

Дальше — больше. Ауэрбах, как утверждает Бормут, вообще стал фигурой первого порядка только благодаря Саиду (с. 5, 6). Причем речь идет даже не о 1969 г., когда появилась английская «Филология мировой литературы» в переводе Саида, а о 2003-м (!), когда с предисловием Саида был переиздан английский «Миме-

17 Кстати, эссе «Эрих Ауэрбах — филолог в изгнании» важно не перепутать с книгой «Эрих Ауэрбах — философ культуры в изгнании», которую, в свою очередь, нужно отделять от одноименного послесловия Бормута из «Собрания статей...».

18 Предисловие «О цели и методе» к «Литературному языку и публике в латинской поздней Античности и в Средневековье»; текст написан в феврале 1957 г.

19 *Auerbach E. Literatursprache und Publikum in der lateinischen Spätantike und im Mittelalter.* Bern: Francke, 1958. S. 9, 24.

20 Сам Ауэрбах, кстати, никогда не испытывал типично эмигрантских проблем с так называемой идентичностью. Во всех его поздних трудах последовательно проводится одна линия: он немецкий филолог, воспитанный в Германии на основе германской же филологической традиции; его работы глубоко вписаны в эту традицию и не могут быть поняты вне ее. Ср. с характерным фрагментом из «Эпилогомена», в котором Ауэрбах характеризует «Мимесис» как книгу «немецкую», добавляя к этому: «причем не только по языку»; далее следует пассаж, о который в какой-то степени разбивается весь экзотизм эмигрантской романтики: «...книга родилась из мотивов и методов немецкой “истории духа” и филологии; она мыслима только в традиции немецкой романтики и гегельянства; она никогда бы не появилась без того опыта, который я еще в молодости получил в Германии» (*Auerbach E. Epilegomena zu Mimesis.* S. 15).

сис»²¹. Но к 2003 г. об Ауэрбахе уже были написаны целые тома на десятке языков, его книги стали гуманитарной классикой, перевод «Мимесиса» вышел даже в Китае, не говоря уже о Восточной или, тем более, Западной Европе. Даже последняя книга Ауэрбаха, «Литературный язык и публика в латинской поздней Античности и в Средневековье», которой в плане известности и широты распространения не очень повезло (Я. Циолковский называет эту книгу Золушкой среди работ Ауэрбаха), уже вышла к тому моменту в итальянском, английском и испанском переводах. В XXI в. к известности пришел, уж конечно, не Ауэрбах, а всего лишь тот ауэрбаховедческий подход, которым пользуется Бормут. Можно ли путать инструмент с самой реальностью?

Кстати об этом. Последнее, американское десятилетие жизни Ауэрбаха в среде сторонников теории изгнания вызывает некоторое замешательство. Как рассматривать второй переезд Ауэрбаха — как возвращение в лоно западной цивилизации или как новое отчуждение? Как относиться к его поздним работам — игнорировать? критиковать? превозносить? По этим вопросам единства нет. Мысль о том, что изгнаннический дискурс в какой-то момент можно просто отбросить, не рассматривается вообще. Одни исследователи (родоначальник здесь — К. Барк²²) пользуются вспомогательным конструктом, идеей о «втором изгнании» (!): это, во всяком случае, позволяет им серьезно и основательно рассматривать поздние работы Ауэрбаха без отрыва от его же турецких достижений. Другая группа — к ней принадлежит Бормут — полагает, что с отъездом из Стамбула период изгнания и культурного отдаления для Ауэрбаха завершился. А если от этой, по Саиду, «неприкаянности» происходил, по Саиду же, творческий расцвет, если все гуманитарные прозрения порождались дистанцией, то что же остается делать последовательным сторонникам этого учения? Верно: им, попавшим в западню собственной методологии, приходится отрицать всякую ценность американских сочинений Ауэрбаха. Вот как об этом пишет Бормут:

Великолепная библиотека позволяла Ауэрбахе, — отвечая ожиданиям ученого общества, — продемонстрировать свои филологические способности. На несколько лет он погружается в средневековую литературу, хотя работу то и дело прерывают творческие кризисы. Но в конце концов из-за требовательности ученого к себе от этих насыщенных материалом исследований остается лишь «ряд фрагментов». То, что в скудной обстановке Стамбула блестяще удавалось — через отдельные интерпретации писать насыщенную историю западной духовности, — не получалось повторить в превосходных условиях элитарного университета. Свое предисловие к «Литературному языку и публике в латинской поздней Античности и Средневековье» Ауэрбах заканчивает следующими грустными словами: «Здесь даже нет свободной, но при этом постоянно ощутимой цельности “Мимесиса”» (с. 9).

21 Нужно заметить, что сам Саид смотрел на Ауэрбаха гораздо шире своих последователей; предисловие к «Мимесису», — а это позднейшая работа Саида, — отмечено безусловной идеологической свободой и несколько не ограничено рамками «изгнанничества». Более того, если в более ранних работах Саид использовал Ауэрбаха как наглядный пример для изложения своих идей, то в чисто ауэрбаховедческом тексте, предисловии к «Мимесису», он легко отходит от готовых построений ради приближения к первоисточнику. Поздние рецензенты даже упрекают Саида в том, что он — автор самой этой концепции! — проигнорировал в своем капитальном предисловии такую тему, как изгнание. См.: *Zakai A. Professor of Exile: Edward Said's Misreading of Erich Auerbach // Society. 2015. Vol. 52. P. 275–282.*

22 См.: *Barck K. Erich Auerbach's second Exile // «Escape to Life»: German Intellectuals in New York: A Compendium on Exile after 1933 / Eds. E. Goebel, S. Weigel. Berlin: De Gruyter, 2012. P. 100–110.*

Названная книга, посмертно изданная в 1958 г., — во многих отношениях вершина научной деятельности Ауэрбаха, наиболее целостный его труд, подводящий строгие основания под те представления о стиле и литературном языке, из которых он исходил в том же «Мимесисе». Не станем подробно останавливаться на значении и величии последней книги Ауэрбаха, — это отдельная тема, требующая своего рассмотрения, — приведем лишь фрагмент, к которому отсылает Бормут:

Представленные здесь четыре фрагмента можно рассматривать как дополнения к «Мимесису». В «Мимесисе» было, конечно, множество очевидных пробелов, которые не восполнены и здесь. Но все они кажутся мне менее важными, чем пропуск раннесредневекового материала... В Стамбуле написать об этом мне бы никак не удалось, как минимум из-за отсутствия хорошей библиотеки с книгами по западному Средневековью. В США я сразу же, как только смог, вернулся к уже затронутой теме *sermo humilis* (христианский вид высокого стиля) и, углубившись в раннее Средневековье, исследовал ее подробнее...

У книги целостный план, и все же это фрагмент или, точнее, ряд фрагментов. В ней нет того единства, — шаткого, но все же всегда осязаемого, — какое было в «Мимесисе». Она не завершена, а просто прервана: к полной интеграции материал не приведен. И тем не менее читатель может почувствовать некую цельность. У Августина в предисловии к «*Quaestiones in Heptaemeron*» есть такие слова: «*Nonnulla pars inventionis est nosse quid quaeras*» [«Важная часть открытия — знание о том, что ты ищешь»]. Надеюсь, вполне очевидно, что именно я ищу на страницах этой книги. Но общий контекст я бы с радостью сделал более однозначным. В этом смысле книга все еще в поиске своего предмета. Возможно, в этом ей помогут читатели; кто-то из них, возможно, сумеет проще и понятнее выразить все то, что я имел в виду²³.

Есть ли в этом хоть тень того уныния, что нагнетается у Бормута? Эту натяжку можно объяснить только одним: филологическая школа сама накладывает ограничения на своих представителей. Не об этом ли предупреждал Ауэрбах в той самой «Филологии мировой литературы»? Там, кстати, встречается та же цитата из Августина — о поисках и знании. Что ж, Бормут определенно знает, что ищет.

Далее следует раздел с письмами, и текстологически это, пожалуй, главное приобретение русскоязычного читателя: ранее эпистолярное наследие Ауэрбаха на русском не было представлено ни в каком виде. Письма, к счастью, расположены хронологически, однако и в них ощущается редакторская авторитарность Бормута, причем речь идет не только о самой выборке, но и о структуре этой публикации. Каждое письмо сопровождается вводным словом редактора, и, с одной стороны, это подход правильный, для читателя полезный (воссоздается историческая картина вокруг текста, проясняются взаимоотношения Ауэрбаха с адресатом, выявляются какие-то биографические детали); с другой же, есть в этом и суггестивный элемент (Бормут прямо указывает, как именно понимать то или иное письмо, и акцентирует только «нужные» факты). Более ранняя и более крупная публикация ауэрбаховских писем (тоже под редакцией Бормута) носит название «Подлинная действительность»; приходится тем не менее констатировать, что (в отдельных, по крайней мере, случаях) здесь вырисовываются черты действительности «реконструированной». В предисловии сам Бормут с похвалой отзывается о тех эпистолярных, в которых Ауэрбах показан «как значимая фигура либеральной эмиграции» (с. 6). Все это — картина в духе пятой главы «Мимесиса»: «Ауэрбаха назначают вождем арьергарда».

23 Auerbach E. Literatursprache und Publikum... S. 23, 24.

В книге представлено четырнадцать писем, многие из которых не то чтобы примечательны и добавлены только как предлог для редакторских рассуждений об изгнании. Не обошлось, разумеется, и без «священного Грааля» — письма Фосслеру 1938 г., в котором Ауэрбах мимоходом цитирует слова Данте о «соленом хлебе чужбины». Письмо это впервые было опубликовано уже после смерти Саида и при этом очень хорошо встраивается в предложенный им дискурс (параллелизация изгнаний Данте и Ауэрбаха); в литературе это место цитируется непрерывно²⁴. Вся представленная переписка центрирована вокруг идеи эмиграции: что Ауэрбах писал до отъезда и по приезде (сначала в Турцию, а затем и в США). Творческая работа, филологические размышления, авторская мысль как таковая интересуют составителя гораздо меньше. К счастью, в подборке нашлось место для писем Манну, Кракауэру, Беньямину и, самое главное, Трауготу Фуксу (от 1938 г.; самое, пожалуй, интересное из писем Ауэрбаха, проникнутое, как верно отмечает Бормут, чувством «утопического беспокойства»): эта часть сборника действительно позволяет приобщиться к собственно ауэрбаховской мысли.

В работе над сравнительно небольшой книгой приняли участие семь переводчиков, причем ранее изданные переводы воспроизведены почти без изменений. Со сведением переводов воедино редактор книги (Игорь Эбаноидзе; он же — один из переводчиков), несомненно, справился. И все же кое-что режет глаз: так, один переводчик комментирует свои разделы, а другой — нет; переводчики статьи «Филология мировой литературы» выносят в скобки большое количество специфических немецких оборотов — больше этого никто не делает.

Качество перевода в целом достойное. Это в меньшей степени касается последней, переведенной, видимо, студентами (семнадцать лет назад) статьи «Филология мировой литературы»; местами этот перевод очень нуждается в редактуре. Например: «Подлинная опасность — в том, что становится все меньше и без того немногих, кто способен брать на себя реализацию принципиального и неотъемлемого условия возможности самой историко-филологической деятельности и кто перед лицом модных течений умеет найти должное равновесие между открытостью своей современности и независимостью от нее» (с. 157)²⁵. Стоит ли говорить, что для Ауэрбаха, блестящего стилиста и знатока стилистики, такая малочитаемая конструкция попросту невозможна. В этом свете, кстати, приходится по-новому посмотреть на вопрос переименования сборника: не стоило ли оставить в центре внимания «Рубец», значительно лучше переведенный и ставший бы респектабельным «лицом» книги?

В остальном придраться можно лишь к частностям. Так, в статье о Монтене сказано: «Отец Мишеля де Монтеня был гасконцем, а мать — сефардкой» (с. 27); была она, впрочем, наполовину испанкой и протестанткой в придачу, что явно выводит ее за пределы сефардской общины. У Ауэрбаха — точнее и проще: «Монтень был сыном гасконского отца и испано-еврейской матери». В той же «Филологии мировой литературы» есть фраза: «Сами вещи должны заговорить» (с. 165), ставшая даже локальным афоризмом²⁶; Ауэрбах, однако, выразился менее поэтично и

24 Мартин Виалон, опубликовавший эту переписку в 2007 г., и вовсе вынес фразу о «соленом хлебе» в заголовок своей брошюры.

25 В оригинале ничего нет о «подлинной опасности» и о том, что кого-то «становится меньше». Возможный перевод: «Есть еще отдельные люди, способные продвигаться самостоятельно, — а это общая предпосылка, необходимая для всякой историко-филологической деятельности, — умеющие без оглядки на моду выстраивать правильное соотношение между восприятием всего нового и исследовательской независимостью».

26 См., например, одноименную статью В.Л. Махлина: *Махлин В.* «Сами вещи должны заговорить»: Эрих Ауэрбах и дело филологии (подступы к тексту) // Вопросы литературы. 2004. № 5. С. 115—122.

без явного олицетворения: «die Dinge selbst sollen zur Sprache kommen» означает всего лишь, что говорить нужно о самих вещах (а не об их обобщенных категориях).

Схожим образом ситуация обстоит и с переводом писем (его выполнили О. Асписова и И. Эбаноидзе) — по большей части это корректно переведенный и без усилий читаемый текст. Нельзя, впрочем, не запнуться о пассажи такого рода (оба примера — из письма Фуксу): «...Во всяком случае, в практическом моменте я могу сказать, но даже это порой невозможно отделить от того принципиального, которое отсутствует» (с. 186), или: «...Нет никакого сомнения, что при всем этом в небрежении остается моя готовность к лично-человеческому моему единственного ближнего» (с. 187). Вот как это следовало перевести: «...На данный момент я, в лучшем случае, могу дать какие-то практические рекомендации; впрочем, их часто не отличить от основополагающих принципов, которых пока просто нет»; «...При всем этом, не буду отрицать, когда я смотрю на некоторых своих ближних, терпения моего не хватает».

Есть пара странностей и другого рода. Например, Ауэрбах пишет Хельвегу: «О делах немецких я могу составить себе представление с большим трудом, несмотря на все сообщения и цензуру писем» (с. 189). В оригинале, что логично, — всего лишь «несмотря на все сообщения и письма». О какой цензуре здесь может идти речь — загадка. А вот с другим затруднением мы можем редакторам помочь. В письме В. Краусу (1947) Ауэрбах называет «Прерванный ужин» 15-й главой «Мимесиса», и к этому дан следующий комментарий: «Так в немецком издании. В действительности, “Прерванный ужин” — глава 16» (с. 219). Разночтения коренятся, впрочем, в главе 14 расширенной редакции: «Зачарованную Дульсинею» Ауэрбах написал только в 1949 г. — для испанского «Мимесиса»; в состав немецкого издания глава попала еще десятилетием позже. При жизни Ауэрбаха, соответственно (и уж тем более в 1947 г.!), «Прерванный ужин» оставался в «Мимесисе» пятнадцатой главой из девятнадцати.

В заключение упомянем об одном упущении немецкого редактора, которое видится скорее рукой судьбы, чем случайной ошибкой. Постоянно нам приходилось возвращаться к мысли, что современные филологи буквально подменяют Ауэрбаха собой — собственными принципами, собственными взглядами, собственными устремлениями. И вот, упоминая одну из работ своего коллеги Мартина Виалона (с. 214), Бормут вдруг, «по Фрейду», называет Эриха Ауэрбаха... *Эрихом Виалоном*.

* * *

В нашем обзоре статей лишь едва была затронута «Филология мировой литературы» (1952). Эта статья, давшая название сборнику в его русском варианте, хорошо подходит для подведения итогов. В ней Ауэрбах не просто формулирует свою методику «отправных точек», но еще и предупреждает о подводных камнях, с которыми рискуют столкнуться филологи будущего, избравшие тот же путь. Тяготение ко всему неконкретному, не вещественному, обобщенному может довести этот метод до крайнего вырождения. Ауэрбах дает и примеры неудачных отправных точек; в этом негативном контексте он упоминает, например, такие понятия, как «драматизм», «миф» и «судьба». Не в том ли ряду стоят «изгнанничество», «ориентализм» и «секуляризм»? Может даже показаться, что ауэрбаховедение XXI в. балансирует на тех самых трех выбросившихся китах — «драматизме», «мифе» и «судьбе». Еще одно интересное явление, которого сам Ауэрбах, кажется, не предусмотрел, — это рекурсия отправных точек. Скажем, Саид строит свою теорию светской критики на ауэрбаховедческой концепции, а идущие за ним филологи исполь-

зуют уже саму светскую критику как *Ansatzpunkt* для нового ауэрбаховедения. Известны еще примеры чисто произвольного наложения ауэрбаховского мифа на реалии совершенно иного порядка (в том числе — хронологически более ранние): Грета Слобин, например, со ссылками на «Филологию мировой литературы» рассматривает в постаидовском духе «Слово и культуру» Мандельштама и «Литературу в изгнании» Ходасевича...²⁷ Предостережений Ауэрбаха как будто не расслышали: эта часть «Филологии мировой литературы» ушла на периферию, уступив требованиям филологической моды. Удивительно, насколько точно об этом написал сам Ауэрбах, едва ли, впрочем, предвидевший, что такая тенденция коснется его собственного наследия.

Сборник «Филология мировой литературы» приводит к тем же выводам, что и одноименная статья. В значительной степени мы имеем дело с книгой Матиаса Бормута, составленной как академический центон из трудов Ауэрбаха и ограниченной строгими редакторскими убеждениями. Сборник во многом парадоксальный: ранние, еще не вполне уверенные работы (например, статья о Вико) соседствуют в нем с последними заветами Ауэрбаха как филологического патриарха. Анахроническая композиция приводит к самым разным пространственно-временным расхождениям; кроме того, ауэрбаховские тексты иногда соскакивают с бормутовских рельсов и вступают с идеями редактора в прямое противоречие. И все же главное в рассматриваемой книге — ее внешняя рамка, ее фундаментальная принадлежность к определенной ауэрбаховедческой традиции. Дискурс изгнания представлен здесь во всех аспектах — и в блеске, и в нищете. С одной стороны, мы имеем дело с последовательным и систематизированным подходом, в рамках которого возможны свои озарения. Это традиция, и традиция целостная. С другой стороны, школа Саида основательно заросла догмами, и сегодняшние ее представители подменяют поиск истины готовыми решениями.

В последние годы проявляется тенденция к демифологизации, и вокруг «изгнанничества» постепенно, но неуклонно накапливается критика. Отчасти это признает и Бормут: «Некоторые исследователи склонны к скептическому анализу мифа о возникновении [“Мимесиса”]...» (с. 214), — пишет он, пусть мимолетно, в сноске²⁸, но все же умолчать об этом факте уже невозможно. Теперь, с появлением русского перевода «Филологии мировой литературы», этого характерного и специфического документа нашей эпохи, настала пора и нам осмыслить «новое» ауэрбаховедение. Со временем, скорее всего, в России у названного метода появятся свои сторонники и противники. Следует, впрочем, помнить, что подход этот есть просто инструмент познания. Другое дело, что он требует осторожности и умеренности, чего сегодня явно не хватает. Приходится говорить об Ауэрбахе по Саиду, по Закаю, по Гумбрехту, по Бормуту... Сам Ауэрбах как он есть подчас действительно оказывается «в изгнании».

27 Слобин Г.Н. О смещении границ в литературе после 1917 года (филология, поэтика, нация) // Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996. С. 147—164.

28 Ссылаясь при этом на «Восточно-западный Мимесис» (2010) турецкой исследовательницы Кадер Конук, — пожалуй, лучшую книгу об Ауэрбахе за несколько десятилетий. Интересна судьба самой Конук: в 2016 г. она попала под «университетские чистки», уехала в Германию и возглавила там общество турецких ученых в вынужденной эмиграции. Общество это, по горькой иронии, называется «Академия в изгнании».